

Сунь Хунъянь проворно зашла в дом и вынесла высокий табурет. Не стесняясь, она встала на него, опираясь на каменный столик, одной рукой держа ножницы, а глазами изучая виноградные гроздья, выбирая подходящую цель.

Она продолжала срезать, параллельно делясь опытом:

— Нужно найти самые густые гроздья. Если срезать одну из середины, это будет не так заметно.

Ши Янь с улыбкой наблюдал за этим. Если бы её отец действительно так дорожил этими виноградом, разве бы он не знал, сколько всего гроздей?

Но в конце концов дочь важнее, поэтому он предпочел закрыть на это глаза.

Домашний виноград обычно не крупный, но ягоды были тёмно-фиолетовыми и блестящими. Они были не только вкусными, но и красивыми.

Сунь Хунъянь быстро помыла ягоды, положила их в миску и поставила на столик, приглашая всех угоститься. Она также срезала одну гроздь, завернула её и передала Сюй Цзэ, чтобы он взял домой.

Ши Яню очень нравилось, как эта маленькая девочка проявляла щедрость, и он отдал ей оставшиеся фруктовые льдинки из коробки. Вместе с ними он отдал и лёд, чтобы льдинки не растаяли.

Сунь Хунъянь была в восторге, но сама не съела ни одной ягоды. Сюй Цзэ удивился, на что она с размахом заявила:

— Я их каждый год ем, уже надоели.

Сюй Цзэ, держа виноград во рту, рассмеялся.

Попрошавшись с друзьями, он вернулся домой к четырём часам. Обычно он спал днём, но сейчас был настолько возбуждён, что сонливость полностью исчезла. Ши Янь принёс таз с водой, и Сюй Цзэ послушно сел на маленький табурет, срывая ягоды с грозди и промывая их в воде. Затем он с энтузиазмом побежал во двор, чтобы угостить Сунь Сю и Тан Аньминя.

Через некоторое время он вернулся, карманы его были набиты двумя зелёными мандаринами.

— Жарко? — Ши Янь коснулся руки Сюй Цзэ.

— Угу, — кивнул Сюй Цзэ, его волосы на лбу были мокрыми и прилипли ко лбу. — Брат, подстриги мне волосы.

— Хорошо, сначала я вскипячу воду. После стрижки помоешь голову и искупаешься, ладно?

— Угу, и ты со мной купайся, — Сюй Цзэ последовал за Ши Янем, размахивая веером.

— Хорошо, посиди под вентилятором. Ты ведь не спал днём, не устал? — Ши Янь умыл Сюй Цзэ, вытер его тело и, погладив его волосы, улыбнулся. — Уже можно заплетать косичку.

Раньше волосы Сюй Цзэ были сухими и желтоватыми, но теперь, с улучшением питания, они стали чёрными, блестящими, мягкими и гладкими, приятными на ощупь.

Сюй Цзэ тоже потрогал свои волосы, веки его опустились, и он пробормотал:

— Угу, я не очень устал, но ты сказал, и мне захотелось спать.

— Тогда я пойду вскипячу воду, а ты посиди, отдохни, — сказал Ши Янь.

— Я пойду с тобой, а то я усну, — Сюй Цзэ, протирая глаза, поднялся.

— На кухне жарко.

— Ничего.

Когда вода закипела, Ши Янь взял ножницы и подстриг Сюй Цзэ. В прошлой жизни, когда его собственные волосы становились слишком длинными, он сам брал ножницы и стриг их, хоть и не был мастером, но получалось довольно аккуратно, не как будто их пожевала собака.

Сюй Цзэ уже клевал носом, но изо всех сил старался не заснуть. Ши Янь с сожалением подумал, что было бы здорово, если бы он смог побрить его наголо, пока тот спит. С улыбкой на лице он быстро подстриг волосы Сюй Цзэ, и длинные и короткие пряди упали на полотенце, обёрнутое вокруг его шеи.

Вскоре Ши Янь похлопал Сюй Цзэ по плечу и сказал:

— Готово.

Сюй Цзэ вздрогнул, открыл глаза и, глядя на своё отражение в зеркале, замер.

В зеркале ребёнок с аккуратной чёлкой, чуть выше бровей, и длинными волосами по бокам, доходящими до щёк, что делало его круглое личико ещё более милым и нежным. Волосы сзади тоже были аккуратно подстрижены, до шеи. Раньше из-за длинных волос и нежного лица его пол было трудно определить, но теперь было очевидно, что это мальчик, хоть и более изящный, чем обычно.

Сюй Цзэ был очень доволен, и Ши Янь тоже радовался.

Ши Янь разбавил воду и помыл голову Сюй Цзэ, затем они вместе искупались. Он надел на Сюй Цзэ футболку и шорты с изображением Ультрамана, а затем уложил его в постель, пахнущего и гладкого.

— Брат? — Сюй Цзэ положил одну ногу на Ши Яня, лёжа на боку и глядя на закрытые глаза брата, тихо позвал.

— Угу? — Ши Янь не открыл глаза, только пробормотал в ответ.

— Брат, я не могу заснуть, — Сюй Цзэ потрогал ухо Ши Яня и придвинулся ближе. — Брат, завтра, когда будешь продавать фруктовый лёд, возьми меня с собой, ладно? Мне не жарко.

— Нет, слишком жарко, ты можешь получить тепловой удар или сыпь, — Ши Янь открыл глаза.

— Брат... — Сюй Цзэ был недоволен.

— Сюй Цзэ, — Ши Янь притянул его к себе и мягко поцеловал в щёку. — Не заставляй меня волноваться, хорошо? Скоро начнётся школа, тебе нужно подготовиться, порешать задачи. Через несколько дней, когда дети пойдут в школу, ты сможешь играть с ними. Когда станет

прохладнее, ты сможешь сам выходить, только будь осторожен.

Дети всегда любят играть, и Ши Янь это понимал, но он всё же беспокоился. Хотя в прошлый раз Сюй Цзэ быстро выздоровел после жара, его здоровье всё ещё было слабее, чем у других детей, бегающих по деревне.

— Угу, — Сюй Цзэ послушно кивнул, потёрся щекой о Ши Яня и, касаясь его носа своим, засмеялся.

— Брат, завтра ты тоже пойдёшь продавать фруктовый лёд? — спросил Сюй Цзэ. — Как ты будешь продавать?

— Угу, я буду ехать на велосипеде и кричать, — Ши Янь улыбнулся.

— Что кричать? — Сюй Цзэ заинтересовался.

Ши Янь прочистил горло и протяжно закричал:

— Продаю фруктовый лёд! Кто хочет купить фруктовый лёд?

— Ха-ха! — Сюй Цзэ рассмеялся и, подражая ему, сдавленным голосом прокричал:

— Продаю фруктовый лёд!

Ши Янь тоже рассмеялся, зажал нос Сюй Цзэ, и последний слог превратился в нечто невнятное.

Крича так, Ши Янь вдруг вспомнил песню и, щипнув щёку Сюй Цзэ, сказал:

— Я вспомнил одну песню, хочешь послушать?

— Угу! — Сюй Цзэ с энтузиазмом поддержал его.

Ши Янь с ностальгией в голосе начал петь:

*

Если бы ты не продавал пустые бутылки...

Какой знакомый голос...

Сколько лет он сопровождал меня в бурях...

Никогда не нужно вспоминать...

Никогда не забуду...

Без неба не было бы земли...

Без земли не было бы дома...

Без дома не было бы тебя...

Без тебя не было бы меня...

Если бы ты не вырастил меня...

Не дал бы мне тёплой жизни...

Если бы ты не защищал меня...

Какой была бы моя судьба...

Ты вырастил меня...

Сказал мне первые слова...

Ты дал мне дом...

Позволил мне разделить его с тобой...

*

Ши Янь не стал петь дальше. Он не испытывал той привязанности, о которой говорилось в песне, но первая строка заставила его задуматься. Единственное воспоминание о его детстве — это то, как каждый вечер мимо проезжал мужчина с белым полотенцем на голове, ехавший на трёхколёсном велосипеде. Звон гонга, и хриплый голос кричал:

«Кто продаёт пустые бутылки? Кто продаёт пустые бутылки, доски, бумагу или старую технику?»

Этот звук медленно удалялся, растворяясь в закате.

Эту песню он запомнил, когда был с Лю-цзы, и один из его подчинённых часто пел её. Тот человек был необщительным, и когда все пили и ели, он всегда сидел на куче камней, тихо напевая эту песню, слёзы текли по его лицу. Он продолжал петь, пока Лю-цзы не выходил из себя и не кричал на него, чтобы он замолчал.

— Брат, что значит первая строка? — голос Сюй Цзэ прервал мысли Ши Яня.

— «Если бы ты не продавал пустые бутылки» — это значит, что кто-то продаёт пустые бутылки, — Ши Янь обнял его и ответил.

— Кто-то специально написал песню об этом? — Сюй Цзэ засмеялся. — Это забавно.

— Угу, — Ши Янь кивнул, но в душе начал понимать чувства того человека. Возможно, у него тоже было прошлое, которое он не мог забыть. Но у него не было такого шанса, как у Ши Яня, начать всё заново.

Думая об этом, Ши Янь понял, как сильно ему повезло.

— Брат, вечером я хочу, чтобы ты приготовил... — Сюй Цзэ говорил, но его голос стал тише.

<http://bllate.org/book/16628/1522932>